

**КУЛЬТУРА РУССКОЙ ДИАСПОРЫ
ЭМИГРАЦИЯ И МЕМУАРЫ**

Сборник статей

Таллинн 2009

КУЛЬТУРА РУССКОЙ ДИАСПОРЫ ЭМИГРАЦИЯ И МЕМУАРЫ

Сборник статей

Редакционная коллегия:

И. Белобровцева (Таллинн, Эстония)
Е. Душечкина (С.-Петербург, Россия)
Р. Дэвис (Лидс, Англия)
О. Коростелев (Москва, Россия)
П. Лавринец (Вильнюс, Литва)
Л. Флейшман (Стэнфорд, США)

Ответственный редактор:

С. Доценко

Рецензент:

И. Белобровцева
проф. Таллиннского университета

Авторское право: С. Доценко (составитель) и авторы статей, 2009

Авторское право: Таллиннский университет,
Институт славянских языков и культур, 2009

ISSN-L 1736-8618

SSN 1736-8618

ISBN 978-9985-58-649-5

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Н. Андреева (Оксфорд) НИКОЛАЙ АНДРЕЕВ: ИСТОРИК В ЭМИГРАЦИИ И ИСТОРИК ЭМИГРАЦИИ.....	7
Ф. П. Федоров (Даугавпилс) ПОМИНАЛЬНЫЙ ТЕТРАПТИХ ИВАНА САВИНА	16
О. Р. Демидова (Санкт-Петербург) МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ И ПРОВИНЦИЕЙ (ИЗ АРХИВА Д. ФИЛОСОФОВА)	46
П. М. Лавринец (Вильнюс) МЕМУАР В ПУБЛИЦИСТИКЕ Д. В. ФИЛОСОФОВА 1920-1930-Х ГОДОВ.....	62
С. Г. Исаков (Тарту) РУССКИЕ В ЭСТОНИИ 1920-1930-Х ГОДОВ В МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	79
Г. М. Пономарева (Тарту) РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В ТАЛЛИННЕ ВО ВРЕМЯ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ (1941-1944)	105
Э. Б. Мекш (Даугавпилс) «ВСЕ СМЕШАЛОСЬ ЗДЕСЬ БЕЗ ЦВЕТА И ЛИЦА»: БОРИС ГЛУБОКОВСКИЙ (Комментарий к воспоминаниям Д. С. Лихачева о режиссере Соловецкого театра конца 20-начала 30-х годов).....	119
О. Лагашина (Таллинн) И. Ф. НАЖИВИН: «СЖЕЧЬ ТО, ЧЕМУ ПОКЛОНЯЛСЯ...»	134
А. А. Данилевский (Таллинн) МЕМУАРЫ Д. И. УЛЬЯНОВА КАК ПРЕТЕКСТ «ЗАЩИТЫ ЛУЖИНА»	150
Даниэль Риникер (Бохум) ПРОБЛЕМА ЭПИТЕКСТА У И. А. БУНИНА	186
Б. А. Равдин (Рига), Г. Суперфин (Бремен) ЛИДИЯ НОРД КАК ИСТОЧНИК	199

МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ И ПРОВИНЦИЕЙ (ИЗ АРХИВА Д. ФИЛОСΟΦОВА)

О. Р. Демидова (Санкт-Петербург)

В конце октября 1920 г., после восьмимесячного варшавского «сидения», давно назревший внутренний конфликт между Мережковскими и Философовым привел к окончательному разрыву отношений: Мережковские уехали в Париж, Философов остался в Варшаве.¹ Одной из многочисленных причин подобного решения стала убежденность Мережковских в невозможности оставаться в Польше после признания ею советской власти, с одной стороны, и нежелание Философова оставить Варшаву и свои обязанности в Русском политическом комитете и редакции газеты «Свобода»², с другой. В определенном смысле провинциальная эмигрантская газета сыграла значительную роль в распаде одного из самых известных петербургских тройственных союзов и до последних дней своего существования являлась камнем преткновения в отношениях бывших союзников. Дискурс о «Свободе» со временем перерос в дискурс о Свободе; возможно, впрочем, он был таковым с самого начала, а газета и все с нею связанное послужили лишь «толчком», поскольку все участники полемики были в разное время в той или иной степени причастны к газете.

Гиппиус, стоявшая вместе с Мережковским и Философовым у ее истоков, в парижские годы не без яда вспоминала, что никакой свободы ей в этой «Свободе» не дали.³ Философов спустя несколько лет после разрыва писал Мережковским в Париж, что варшавская газета есть самое свободное издание в эмиграции.⁴

Проблема свободы в газете и свободы как таковой сделалась тем смысловым стержнем, на который нанизывались все остальные вопросы, неизменно становившиеся предметом полемики: феномен столичности/провинциальности; проблема «отцов и детей» и ее трансформации в условиях изгнания; будни эмиграции и стоящие перед нею исторические задачи; мера авторской свободы и мера ответственности эмигрантского писателя перед современниками и потомками. Очевидно, что полемика Мережковских и Философова (строго говоря, Гиппиус и Философова) оказалась неразрывно связанной с самыми актуальными и болезненными вопросами, обсуждавшимися эмигрантским сообществом.

Полемика разворачивалась на двух уровнях: личном и общественном. На первом она актуализировалась в переписке и дневниках, на втором – в публицистике и критике обеих сторон; обе составляющие оказывались неразрывно связанными друг с другом, образуя единый текст, складывавшийся на стыке различных жанров, периодических изданий и стран. Статьи Философова публиковались преимущественно в провинциальной варшавской «Свободе», статьи Гиппиус – в столичных парижских изданиях, хотя изредка появлялись и в провинциальных газетах (варшавской «Свободе», рижской газете «Сегодня»). И те, и другие были вполне доступны читающей публике; кроме того, статьи Гиппиус эмигрантского периода опубликованы в трехтомном собрании ее неизвестной прозы.⁵ Опубликованы также мемуарные тексты обоих участников полемики, фрагменты из дневников Философова, дневники и часть эпистолярного наследия Гиппиус. Письма Философова, на которых основана данная статья, до сих пор не публиковались.⁶

Общее число варшавских писем Философова к Мережковским (Гиппиус) – двадцать девять; пять из них написаны до лета 1920 г. и касаются событий того недолгого периода иллюзий, когда Мережковские еще были в Варшаве и принимали (пытались принимать?) участие в антибольшевистской борьбе. После их отъезда из Польши переписка возобновилась далеко не сра-

зу: первое варшавское письмо Философова в Париж датировано 6 сентября 1924 г.⁷ Письма дают представление о положении русского меньшинства и русской диаспоры в Варшаве, о расколе в Русской православной церкви за рубежом, о внутриредакционных «дрязгах», связанных, среди прочего, со статусом газеты в эмигрантской иерархии и с непростым материальным положением, а также о жизни самого Философова в 1920-1930-е годы.⁸ Отдельная тема – всколыхнувшее всю эмиграцию «дело Савинкова» лета-осени 1924 г.⁹ Однако, что бы ни было непосредственным поводом для письма, по сути дела речь неизменно идет о выборе, совершаемом в предлагаемых обстоятельствах, и об ответственности за этот выбор, т. е. о мере свободы/несвободы и возможности/необходимости, при этом проблематика этическая оказывается неотделимой от проблематики бытийной. В целом круг вопросов, которые становятся предметом обсуждения, сводится к трем основным проблемам: столицы и провинции, долга эмигрантского писателя, возможности героического деяния и форм героизма в условиях эмиграции.

Столица и провинция

Объективно варшавская ветвь диаспоры, без всякого сомнения, являлась одной из провинциальных в рамках общеевропейской, внутрипольской (по сравнению с жившим там «русским меньшинством», являвшимся почти коренным населением и не отождествлявшим себя с диаспорой) и собственно эмигрантской иерархии с точек зрения политической, научной и общекультурной. Представление о глубокой провинциальности русской Варшавы было в эмиграции широко распространенным и не подвергавшимся сомнению. Внешне как будто не оспаривая этого, Философов в письмах к Гиппиус последовательно выстраивает систему аргументов «от противного», противопоставляя Варшаву признанным эмигрантским столицам.

24 ноября 1924 г.: «Прага на меня произвела очень грустное впечатление. Какая-то богадельня с затхлым запахом. “Мертвый Дом”. Проблема “отцов и детей” стоит очень остро. Отцы – молью трачены, а дети – такие “безобразные утенки” из Андерсена. Совсем другая биография, другие навыки и никакого знания. Старшие – все “знают” и ничего не “понимают”. Младшие все как будто понимают и ничего не знают. Они меня преследовали своими “запросами”. Налево им тоскливо, направо им противно. Очень остро ощущают, что “духом” их никто не занимается. Налево сумасшедший Качеровский (помните!) заставляет их изучать “юридический строй общины”, направо – С. Н. Булгаков плодит в своем “православном кружке” кликуш с мистикой, добродетелью и лицемерием. И все друг друга боятся, как бы не сказать лишнего, а то вдруг лишат стипендий. Я вошел с ними в заговор, что буду в “Свободе” дебатировать эти темы и немножко хоть постараюсь открыть форточку в затхлой пражской атмосфере».

26 февраля 1925 г.: «Да, все мы сидим на разных болотах. Но категорически утверждаю, что наше болото самое “жизненное”. У Вас только эмигрантск[ие] лягушки. У нас – кулики, бекасы, выдры, “полешуки”. У нас 7 милл[ионов] православных да миллиона 2 евреев *русской* культуры. Все они не эмигранты. Кроме того, опять повторяю: нас читают (о, как внимательно) *все* польские газеты! За примером ходить недалеко. Я начал кампанию против Кугеля и Евреинова и *провалил* их,¹⁰ ибо вся польская пресса обратила внимание на мои статьи. Арц[ыбашев] написал Жеромск[ому] “открытое письмо”, и тот сейчас же ответил, а польская пресса откликнулась и т. д. и т. д. А разве кто-нибудь из французов читает “Посл[едние] Нов[ости]” или из немцев “Руль”?¹¹ Разве обращаются французские *подданные* или немецкие *подданные* за защитой в ред[акцию] “П[оследних] Н[овостей]” или “Руля”? Словом, *реализму* у нас, конечно, больше. Меньше жеванной резинки. У вас же жеванная рез[инка] процветает».

19 июня 1925 г.: «Только теперь проблемы Рел[игиозно]-Фил[ософского] о[бщест]ва стали злободневными, а Лосские, Карташевы, Карсавины, Струве и даже Чириковы!!! их замалчивают и гарцуют на старых дрожжах. Когда Струве уезжал из Праги на подвиг создания своего “Возрождения”, <...> служили молебен и ему поднесли икону.¹² И с таким-то запасом мы хотим возвращаться в Россию. До сих пор спорят, кто “погубил” Россию: керенщина или “камарилья”, кого избрать “новым” вождем, Белинского или Достоевского, или Никол[ая] Никол[ае]вича], а о православном факторе гибели России молчат. Только я что-то лопотал на эту тему, а меня заподозрили в пропаганде католичества. Скучно на этом свете, господа».

30 июня 1925 г.: «“Дни”¹³ переезжают в Париж. У вас будет 5 газет, с чем и поздравляю. Сергей Неклюдов (помнишь?) говаривал 30 лет тому назад, что во Пскове напрасно существует две паршивых газеты. Лучше бы одна, но приличная».

16 сентября 1927 г., после так называемого «дела Коверды»¹⁴: «Из положения “пис[атель] попис[ывает], чит[атель] почи-тыв[ает]” мы вышли на худую или хорошую, но *реальность*. А это для меня, по крайней мере, очень важно. Когда есть “гонение”, усиливается “сопротивляемость”. Наконец “посторонние” определяют вновь свое отношение. Поляки вновь призадумались над всей полнотой проблемы и, смею тебя заверить, что польское обществ[енное] мнение на *моей* стороне. Мою статью конфисковали, а здешнее, польское “Matin” (в нем работал покойный Козловский) прислало ко мне интервьюера, и я чуть-чуть осторожнее, но по существу, изложил в польском “Matin” (заметь, официально “русофобском”) все то, что писал в конфисков[анной] статье. Нет ни одного грамотного поляка, который не следил бы за моей борьбой с Ульяновым (замест[ителем] Войкова). <...> В итоге, пиши о Коверде, что хочешь. Нам не навредишь. <...> Лучше “гонение”, с некоторым реальным действием, нежели “свобода” – спорить о том, у какого... “канонично” [и] как примирить Вишняка с Буниным и перевоспитать Милюкова. Я это говорю без полемики. Просто предпочитаю арбуз».

22 июля 1930 г.: «У нас здесь очень трудно и душно, все время завидуем вам. В столице все-таки жизнь идет интенсивнее, а главное плодотворнее: “Числа”, “Совр[еменные] Зап[иски]”, “Зеленая Лампа”¹⁵, брошюра “Что делать эмиграции?” Какие достижения! Мне кто-то написал, что по выходе твоей брошюры вся эмиграция бурно “заделала” и что Кочаровский разрывается от “кооперации”. <...> Что же касается большевиков, то они, во-первых, надоели, а во-вторых, мы, слава Богу, не в России, а потому над нами не каплет. Поэтому, напр[имер], непримиримость “Своего Угла” меня раздражает. Слишком у них узкие горизонты, мало культуры! И, кроме того, большинство их них здешние уроженцы, польские подданные. А быть польским подданным ужасно провинциально! Уж лучше быть сербским гражданином. Там король, Савва и Драва и дружеская для русских атмосфера.¹⁶ О Прусте, неосв[ятой] Терезе, Клоде Фаррере, Madame de Манциарли¹⁷ понятия они не имеют. Страшно сказать, не читали даже Адамовича! Только о большевиках и думают, как будто на большевиках свет клином сошелся. Все это делает их чрезвычайно скучными провинциалами».

Несмотря на растущее раздражение, обусловленное изначально непростыми и с годами все усложнявшимися отношениями Философова с деятелями пражской, берлинской и парижской ветвей диаспоры, а также не прекращавшимися «дрязгами» внутри редакции, безденежьем,¹⁸ наконец, усталостью¹⁹, пафос аргументации очевиден: провинциальная Варшава по сути имеет большее право на звание эмигрантской столицы, чем признанные столичные центры, поскольку в ней больше «реализма», то есть той *практической* <курсив мой. – О. Д.> деятельности, которая единственно оправдывает само существование политической эмиграции как феномена и без которой политические эмигранты превращаются из объединенного общей целью сообщества в аморфную обывательскую массу. Иными словами, в Варшаве (и в варшавской газете), при всей ее зависимости от внешних обстоятельств, больше той внутренней²⁰ – а, стало быть, истинной – Свободы, без которой любая эмиграция теряет смысл.

Долг писателя в эмиграции

Проблема писательского долга латентно присутствует в эпистолярном диалоге Философова и Гиппиус²¹ с самого начала переписки, однако становится одной из ведущих с конца 1926 г. Вероятно, толчком для этого послужило письмо Гиппиус от 11 августа 1926 г.,²² в котором она извещала Философова о своем очередном конфликте с «Современными записками» и о намерении прекратить сотрудничество с журналом.²³

Размышляя о сложившемся положении и о свободе слова в эмигрантских изданиях, в ответном письме от 3 сентября 1926 г. Философов вновь отчетливо противопоставляет Париж и Варшаву: «Еще грустнее, что ты замолчишь. Пожалуй, для тебя другого выхода нет. Для того чтобы иметь свободу говорить *почти* все, что хотим, мы должны были с Арц[ыбашевым] заплатить очень дорогую цену. Нас травят самым организованным образом: и клеветой, и бойкотом, а иногда и доносами. (Все это продельывают “честные” демократы). Но нам кажется, что свобода писать так важна, что мы пошли на все эти “прелести”. Ты избрала другой путь. Признала, что Милокувы и Вишняки тебя победили. И тот, и другой метод имеет свои хорошие и дурные стороны. Постепенно люди *мыслящие* уходят с горизонта, и старые политиканы, как ни в чем не бывало, продолжают вить свою паутину».

В письмах последующих тринадцати месяцев Философов выстраивает своего рода «платформу», недвусмысленно определяя свое отношение к проблеме писательской свободы и писательского долга.

15 сентября 1926 г.: «Ты приносишь “жертву”, чтобы быть вместе с Милокувыми, но тут же констатируешь, что этого “вместе” нет и быть не может. Ты пишешь, что решила молчать, и тут же заявляешь, что будешь “пищать”, хоть через Вишняков “сообщиться хоть с одним-двумя из малых сих”. <...> Если мы бежали, то бежали не для того, чтобы “пищать”, а для того:

1. чтобы бороться с больш[евиками];
2. говорить полным голосом.

Если нельзя бороться, то надо хоть говорить, а не писать. *При царской цензуре* ты говорила более человеческим языком, нежели теперь. И с кем ты вместе? В чем выражается это вместе? В том, что ты молчишь при вооруженном нейтралитете Милюковых. Но думаю, что если бы ты откровенно отказалась от дара слова, тогда сближение с М[илюковым] было бы еще ближе».

2 июня 1927 г.: «Мне слишком отвратно твое якшание с Милюковым <...>. И если ты у нас в газете будешь ходить между рюмками Леона Блюма как ангорский кот, то лучше у нас не пиши. Мы – люди грубые и признаем лишь бегемотов в посудной лавке, но не ангорских котов среди хрусталя». Это письмо стало ответом не только на личное письмо Гиппиус к Философовой, но и на ее открытое письмо в редакцию газеты «За Свободу!», опубликованное 22 мая 1927 г. в газете под названием «Неловкость» и, в свою очередь, являвшееся ответом на появившиеся там же ранее статью Философова «Гроб повапленный» и заметку Игоря Северянина «Шепелявая тень». Подчеркнуто резкое письмо Гиппиус, формально написанное в защиту парижского «Звена» и поэзии Г. Адамовича и Г. Иванова, по сути было направлено против Философова и являлось своего рода отповедью ему:

«Философов находит, что я, в эмиграции, из Антона Крайнего превратился в Антона Среднего, и даже сравнивает меня с котом Леона Блюма, который так осторожно и мягко ходит по столу, что ни одной рюмки не опрокидывает. Насколько я понял, Философов меня жалеет: ему кажется, что ходить подобным образом я **принужден**, хожу волей-неволей; т. е., прямее, – что эмигрантская пресса, внутренняя цензура известных газет, стесняет свободу моего слова. <...> Я хочу, наконец, узнать, в чем именно обвиняет редакция “За Свободу!” “Звено”: в том ли, что оно **вообще** занимается эстетикой? Или что у него **плохая** эстетика? <...> Вообще – **новая простота** и скромность – главная черта современных поэтов – настоящих. Я понимаю, редакции “За Свободу!” неоткуда все это знать; где ж ей следить за поэзией, да и охота ли?»²⁴

11 июня 1927 г.: «Ты плетешь тонкие брюссельские кружева, а у нас тоже кружева, только из fil barbelé. <...> Я вполне признаю твои кружева, но они для меня “музей”, “дягилевские балеты” и благоглупости Адамовича. <...> Это не в осуждение. Я только иллюстрирую разницу наших “языков”».

16 сентября 1927 г.: «В “За Своб[оду!]” поставлена во всю ширину проблема “Милюков”, а “Нов[ый] Корабль”,²⁵ как старосветская барышня, вынимает из своей книжки “сушеные цветы” с ленточкой. Выходит смешно, ненужно и страшно скучно. У тебя, мне кажется, вот какая ошибка. Все Милюковы, Вишняки, Струве так или иначе признают “тактику”. Ничто так не связывает свободы слова, как тактика. Твоя привилегия в том, что ты такой тактикой можешь быть не связана. И ты этим даром не хочешь пользоваться! <...> Если бы ты с Дм[итрием] стали жарить в “Нов[ом] Кор[абле]”, не соображаясь с тактикой, вы имели бы большой успех, и не только “скандала”. Но почему-то, борясь с тактикой, ты сама связала “Н[овый] К[орабль]” тактикой, и все там мямлят. Выходит “Вампука”.²⁶ Поспешим, поспешим, и ни с места».

29 октября 1927 г.: «Свободы ведь вообще нет и быть не может. Даже в своем журнале. Уж кажется, Н[овый] Д[ом] и Н[овый] К[орабль] были ваши, и то вы себя связали по рукам и ногам (что меня и обозлило)».

Ситуация, сложившаяся в ходе полемики о свободе слова и долге писателя в эмиграции, которую вели Философов с Гиппиус, с одной стороны, и Гиппиус с редакторами парижских демократических изданий, с другой, оказалась весьма парадоксальной: линия Философов-Гиппиус представляла собой в определенном смысле зеркальное отражение линии Гиппиус-Милюков-Вишняк, хотя в обоих случаях причиной несогласия сторон друг с другом было различное понимание свободы. Конфликты Антона Крайнего с «Последними новостями» и «Современными записками» возникали потому, что Гиппиус настаивала на предоставлении ей на страницах этих изданий большей (вплоть до неограниченной) свободы, отказываясь от сотрудничества, если

ее требования не были удовлетворены.²⁷ В результате с декабря 1927 г. ее статьи публиковались в монархическом «Возрождении». В основе конфликта Гиппиус и Философова лежало убеждение последнего в том, что Гиппиус, увлекшись «тактикой», отказывается от свободы как таковой.

О героизме в эмиграции

В письме от 2 июня 1927 г. Философов извещает Гиппиус о возможном визите к ней его «большого приятеля» инженера С. Н. Гомберга. Гомберг оказывал варшавской газете серьезную материальную поддержку, и Философов надеялся, что он сможет стать для Мережковских «подлинным импреСАрио <так! – О. Д.>, «если бы суметь его обворожить, то есть заставить *поверить*, что мы делаем *реальное* дело, а не милые эмигранты, которые нуждаются во вспомоществовании».

Философов рекомендует Гомберга Мережковским следующим образом: «Он немножко в жанре Рейли <...> не такой орел, как Рейли, но зато менее фантаст. <...> Грубо говоря, точка зрения Гомберга такая: он находит, что эмигранты или должны войти в местную жизнь и работать в пределах того государства, в котором они находятся, или активно бороться с большевиками», и добавляет: «Откровенно говоря, я его позицию совершенно признаю».

Сравнение Гомберга с Рейли, равно как и упоминание о его убежденности в необходимости активной борьбы с большевизмом, достаточно прозрачны и отсылают адресатов к известным событиям начала-середины 1920-х годов.²⁸ В таком контексте выраженное Философовым согласие с позицией Гомберга позволяет рассматривать этот пассаж как *profession de foi* автора по вопросу о героизме, рассуждениям о котором посвящена существенная часть следующих двух писем.

11 июня 1927 г.: «Произошло некое “символье”. Читаю твое письмо, а ко мне вваливается отец Бориса Коверды, прямо с вокзала, из деревни. Сына не видел уже полгода. Это символье

характеризует все наши с тобой недоразумения. <...> Верю в твою молодежь. Очень хорошо, что после Каннов и Грассов они начнут на американские деньги спокойно говорить на божественные темы и спорить с европейцами. Но мне фактически ближе здешняя молодежь, здешний “орден”, из которого вышел Коверда, которого я никогда в глаза не видал, и даже не знал о его существовании. И какой он, черт, монархист, сын народного учителя. Прочти его биографию у нас, она абсолютно достоверная. Ведь ему было 6 лет, когда началась война. Он совершенно новый продукт, и, насколько я слышал, он из тех “выюношей”, которые, разочаровавшись в “отцах”, хотят действовать сами, за свой страх и риск. Он уже не Конради,²⁹ у него нет *старых* счетов. <...> Словом, так: божественные разговоры после Каннов и Грассов меня *радуют*, а поступок Коверды мне дает силу жить. Значит, есть еще молодежь».

16 сентября 1927 г., после убийства жителя Вильно, двадцатилетнего польского гражданина Осипа Трайковича, произошедшего в советском полпредстве в Варшаве 2 сентября: «По духу мальчишкам “Борьба за Россию”³⁰ очень близка. Они самоотверженно с опасностью для жизни переправляют ее в Россию. У них есть пафос и жертвенность *активная*. Большевики это прекрасно знали. Они убили Трайковича не как “убивцу”, он не был вооружен, а как одного из видных и энергичных борцов. Молоды они очень, зелены. Есть в них Коля Красоткин. Есть излишняя “удаль”. Но как их осудить? <...> Без “героизма” же камня в стоячую воду не бросишь, движения воды не будет».

Очевидно, что, по Философову, следует различать два вида героизма: активный и пассивный. Парижский героизм Философов относит ко второму, в известном смысле эстетствующему типу героизма, отдавая явное предпочтение первому, ярко представленному в Варшаве. Не менее очевидно, что этот вид героизма понимается им как направленная вовне актуализация осознанной антибольшевистской позиции. Формами героизма, понимаемого подобным образом, могут быть разного рода «подрывные» действия вплоть до открытого террора как в эмигра-

ции, так и на территории СССР. Однако эмигрантская действительность, с его точки зрения, оставляла для такого героизма все меньше возможностей. В письме от 9 августа 1929 г. он вынужден с горечью признать: «Героический период эмиграции прошел окончательно. Есть еще несколько безумцев из молодежи, которые все еще ездят в Россию. Мне совестно им смотреть в глаза. Увы, они и сами чувствуют себя “одинокими”, и как они презирают нас, стариков!»

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее см.: *Гиппиус З.* Варшавский дневник (1920-1921) // *Гиппиус З.* Дневники: В 2 т. М., 1999. Т. 2; *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Живые лица: Воспоминания. Тбилиси, 1991. Кн. II. С. 314-342 (гл. «Пюльша 20-го года»); *Дюррант Д.С.* По материалам архива Д. В. Философова // *Лица: Биографический альманах.* Вып. 5. М.; СПб., 1994. С. 444-459 (далее – *Лица-5*); *Демидова О.* «Варшавский гамбит» в эмигрантской судьбе Мережковских и Философова // *Космополис.* № 1 (15). Весна 2006; *Амфитеатров и русские в Польше / Публ. Д. И. Зубарева // Минувшее: Исторический альманах.* Вып. 22. СПб., 1997. С. 396 (далее – *Минувшее-22*).
- ² Основана 17 июля 1920 г. как ежедневная общественно-политическая газета, под этим названием выходила до 3 ноября 1921 г.; с 4 ноября 1921 г. по 5 апреля 1932 г. – «За свободу!»; подробнее см.: *Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918-1940.* Т. 2. Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 152-157; *Амфитеатров и Савинков: Переписка 1923-1924 // Минувшее: Исторический альманах.* Вып. 13. М.; СПб., 1993. С. 73-158 (далее – *Минувшее-13*); *Минувшее-22.* С. 388-474.
- ³ *Гиппиус З.* Варшавский дневник. С. 333.
- ⁴ Письмо от 9 июня 1926 г. (Amherst Russian Center. Zinaida Gippius and Dmitrij Merezkhovskiy Papers: Series 1. Subseries 1. Filosofov Dm.). Далее письма из этого собрания цитируются с указанием даты в тексте; тексты писем цитируются по разрешению куратора архивного собрания С. Рабиновича.
- ⁵ *Гиппиус З. Н.* Неизвестная проза: В 3 т. СПб., 2002.

- ⁶ За исключением двух: от 6 сентября 1924 г. и 29 октября 1927 г., опубликованных нами (см.: Космополис. № 1 (15). Весна 2006. С. 98-107).
- ⁷ В корпусе писем отложилась еще записка Философова, написанная во время его краткого пребывания в Париже в октябре-ноябре 1924 г., в которой он извещает Мережковских о дне и часе возможной встречи. Кроме того, в собрании хранятся семь писем Философова Мережковским от 1911 г.
- ⁸ Таким образом, они являются существенным дополнением к опубликованным письмам Б. Савинкова и М. Арцыбашева (см.: Минувшее-13; Минувшее-22) и к фрагментам дневника Д. Философова 1920-х-1930-х гг. (см.: Лица-5).
- ⁹ Ей полностью посвящено письмо от 6 сентября 1924 г. (см.: Космополис. № 1 (15). С. 98-100). Ср. с письмами Арцыбашева Амфитеатрову от 5, 9 и 18 сентября 1924 г. (Минувшее-22. С. 406-410).
- ¹⁰ Речь идет о варшавских гастролях в 1925 г. московского театра А. Р. Кутеля «Кривое зеркало» и Н. Н. Евреинова, которым предшествовала и которые сопровождала «разгромная» кампания в «За свободу!», в результате которой гастроли оказались весьма неудачными.
- ¹¹ «Последние новости» (Париж. 1920-1940) – ежедневная газета, ведущая газета эмиграции демократического направления; с 1921 г. ее главным редактором был П. Н. Милюков. «Руль» (Берлин. 1920-1931) – ежедневная газета, орган партии КД (подробнее см.: Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918-1940. Т. 2. С. 319-329; С. 351-360).
- ¹² См. перекликающуюся с этим письмом статью З. Гиппиус «Православный Струве» (Последние новости. Париж. 1925. 5 июля. № 1594).
- ¹³ «Дни» (Берлин. 1922-1925; Париж. 1925-1928) – ежедневная газета, орган партии эсеров; в 1928-1933 гг. – еженедельный (с 1931 г. – двухнедельный) журнал. Подробнее см.: Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918-1940. Т. 2. С. 118-122.
- ¹⁴ Коверда Борис Софронович (1907-1987) 7 июня 1927 г. в упор застрелил на главном варшавском вокзале советского полпреда в Польше П. Войкова и сдался полиции, был приговорен польским судом к 10 годам каторжных работ, 15 июня 1937 г. вышел на свободу и, как сообщает Д. И. Зубарев, летом 1944 г. «вероятно <...>

- покинул Польшу вместе с основной массой живших там русских» (Минувшее-22. С. 395; подробнее см.: Дело Б. Коверды. Warszawa; Париж, 1927 [1928]).
- ¹⁵ «Числа» (Париж. 1930-1934. №№ 1-10) – единственный в эмиграции художественно-литературный журнал «без политики» (подробнее см.: Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918-1940. Т. 2. С. 497-502); «Современные записки» (Париж 1920-1940) – крупнейший толстый журнал эмиграции (подробнее см.: Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918-1940. Т. 2. С. 443-451); «Зеленая лампа» (Париж. 1927-1939) – литературное общество, созданное по инициативе Гиппиус и Мережковского на основе их «воскресений» (еженедельных собраний писателей в доме Мережковских); подробнее см.: Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918-1940. Т. 2. С. 167-175.
- ¹⁶ Ироническая отсылка к статье Гиппиус «Письмо о Югославии», опубликованной 7 декабря 1928 г. в газете «За свободу!», после возвращения Мережковских из Белграда, где они в сентябре принимали участие в работе Первого съезда русских писателей-эмигрантов, организованного югославским правительством.
- ¹⁷ Манциарли Ирма Владимировна (?-1950-е) – теософка, журналистка, благотворительница; была соредактором журнала «Числа» и оказывала ему материальную поддержку.
- ¹⁸ Подробнее см.: Минувшее-22; Письма З. Н. Журавской к А. Ф. Даманской // Женский вопрос в контексте национальной культуры: Из истории женского движения в России. Вып. 3. Ч. 1. СПб., 1999. С. 130-151 (публ. О. Р. Демидовой); ср. с письмами Философова: «В Праге мне навязывали чешские деньги, но я не понимаю, чем чешск[ие] деньги лучше польских. Не хочу больше никаких иностр[анных] денег» (2 декабря 1924 г.); «В общем – очень трудно. Ежедневная борьба за существование + идейное одиночество» (11 декабря 1924 г.); «Мне трудно, очень трудно. <...> Да и помощников нет, и денег нет» (19 января 1925 г.); «Вот уже 2 года, как каждое 1-е число обливаешься холодным потом, есть ли деньги уплатить счета, а каждый день думаешь, где бы достать денег» (3/16 февраля 1925 г.); «Я превратился в ловчака, который направо и налево занимает “без отдачи”, за что, кроме ругани от своих же, ничего не имею, ибо все-таки денег не хватает» (30 июня 1925 г.).

- ¹⁹ См., например: «Очень одиноко, но физическая необходимость работать от 10 до 12 ч в сутки – спасает. Свободное время у меня, в сущности, только обед» (3/16 февраля 1925 г.); «Что же касается меня – то я изнемогаю. Вот уже пятый год, без перерыва, изображаю ломовую лошадь» (26 февраля 1925 г.); «У меня теперь уже не усталость, а апатия. <...> Просыпаясь утром, не могу привыкнуть к мирозданию» (30 июня 1925 г.); «Устал я не только физически, но и морально. И великий соблазн “уйти” опять меня одолевает» (17 сентября 1925 г.); «Что касается меня, то я не живу. Забыл, сеют ли теперь или жнут. Но пою, дондеже есмь» (2 июня 1927 г.); ср. с письмом Савинкова к Амфитеатрову от 24 февраля 1924 г.: «Он <Философов. – О. Д.> окончательно замучен все той же нищетой и дрызгами» (Минувшее-13. С. 135).
- ²⁰ Ср. отзыв Савинкова о Философове и о положении в редакции газеты в цитированном выше письме: «Как мало людей, внутренне независимых от денег! Ведь в сущности чудо, что газета выходит. И это чудо совершает каждодневно он, Д. В.» (Минувшее-13. С. 135).
- ²¹ Мы не располагаем полным корпусом писем З. Гиппиус к Д. Философому, однако их содержание достаточно легко «вычитывается» из его ответных писем и ее статей в эмигрантской периодике.
- ²² См. начало письма Философова от 3 сентября 1926 г.: «Только на днях получил твое письмо, помеченное 11 авг (!). Штемпеля так неясны, что не разберешь в чем дело».
- ²³ Подробнее о причинах и ходе конфликта см.: *Вишняк М.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 99-101; *Вишняк М.* З. Н. Гиппиус в письмах // Новый журнал. Нью-Йорк. 1954. Кн. 37. С. 201-203 (письмо Гиппиус от 4 сентября 1926 г.).
- ²⁴ *Гиппиус З.Н.* Незвестная проза: В 3 т. СПб., 2002. Т. 2. С. 306, 308.
- ²⁵ «Новый корабль» (Париж. 1927-1928. №№ 1-4) – литературный журнал, основанный Гиппиус и Мережковским после прекращения журнала «Новый дом» (Париж. 1926-1927. №№ 1-3); подробнее см.: Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918-1940. Т. 2. С. 266-270; 263-266.
- ²⁶ Речь идет о театральной пародии «Вампука, невеста африканская» (муз. и либретто В. Г. Эренберга, реж. Унгерн), поставленной в театре миниатюр «Кривое зеркало» в 1909 г. и пользовавшейся огромной популярностью; подробнее см.: *Дейч А.* Голос памяти. М.,

1966. С. 89-92; *Крыжицкий К. Г.* Дороги театральные. М., 1976. С. 214-219; *Тихвинская Л. И.* Кабаре и театры миниатюр в России. 1908-1917. М., 1995. С. 37-67, 205-284.
- 27 См. прим. 25; см. также статьи Гилпиус «Необходимые поправки» (Последние новости. Париж. 1924. 6 февраля. № 1162), «О свободе» (Звено. Париж. 1927. 9 января. № 206), «Третий путь» (Возрождение. Париж. 1927. 4 декабря. № 915), «Опасный дефект. Ответ г. Талину» (Возрождение. Париж. 1927. № 924), «Символический Вишняк» (Возрождение. Париж. 1927. 30 декабря. № 941), «Положение литературной критики» (Возрождение. Париж. 1928. 24 мая. № 1087) и др.
- 28 Подробнее о них см.: *Флейшман Л.* В тисках провокации: Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М., 2003.
- 29 Конради Мориц Морицевич (1896-после 1931) – швейцарец, в 1916 г. по особому разрешению военного министра поступил в военное училище в Петрограде; участник Первой мировой войны; в 1919-1920 гг. офицер Добровольческой армии, затем – галлиполиец; с июля 1921 г. жил в Цюрихе; 10 мая 1923 г. в Лозанне убил советского полпреда в Италии В. В. Воровского (подробнее см.: *Минувшее-13.* С. 116-117).
- 30 «Борьба за Россию» (Париж. 1926-1931) – еженедельное издание, основанное с целью «послужить широкому объединению» антибольшевистских сил эмиграции и призывавшее надеяться не на помощь Запада, а на собственные силы, в первую очередь – на эмигрантскую молодежь. Газета Философова сотрудничала с «Борьбой за Россию» с 1926 г. 1 августа 1927 г. было заключено соглашение о бесплатной доставке парижского издания подписчикам газеты (подробнее см.: *Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918-1940.* Т. 2. С. 45-48).